

уникальной среды для межкультурного диалога между нашими дружественными странами.

Литература

1. Абдуллаев, К. Азербайджанский мультикультурализм сегодня: от Португалии до Индонезии / К. Абдуллаев. - Баку, 2016.
2. Ананьева, Е.П. Мультикультурализм как философско-образовательная концепция эпохи глобализации // [https://docs.google.com/viewer?url=http://7universum.com/pdf/social/7\(8\)/Ananeva.pdf](https://docs.google.com/viewer?url=http://7universum.com/pdf/social/7(8)/Ananeva.pdf)
3. Осколова, Т. Л. Глобализация и высшее образование: путь к мировому гражданству или утрата национальной идентичности? / Т.Л. Осколова // Образование и наука – 2014 - № 1 (110) - С. 28-43
4. Кунина, И. Мультикультурализм на Кавказе: азербайджанская модель La Sapienza / И. Кунина. – Баку, 2015.

МожейкоМ.А. Представление о малой родине: проблема культурного статуса

Текущий 2018-й год объявлен в Республике Беларусь годом малой родины. Это является свидетельством значимости данного гештальта для современной белорусской культуры и для менталитета белорусского народа в целом. В силу этого появилось достаточно большое количество работ, посвященных данному феномену. При этом следует отметить, что часто феномен малой родины рассматривают достаточно узко: а именно – как художественную метафору, характерную для пейзажной лирики, как художественный образ, предполагающий отнесение к месту рождения субъекта (персонажа, героя произведения), – образ, согретый воспоминаниями детства и отмеченный дорогими его сердцу событиями трогательной ранней юности. С другой стороны, говоря о малой родине, нередко приписывают этому выражению статус научного понятия, что тоже, в свою очередь, является суженной его трактовкой. Это достаточно остро ставит проблему статуса представлений о малой родине в системе культуры. Прежде всего, представления о малой родине – феномен чрезвычайно древний, оформившийся в те времена, когда ни искусство, ни тем более наука еще не конституировались как формы бытия культуры, и в этом плане говорить о малой родине в качестве художественного образа или научного понятия – значит су-

ственно сужать его содержание и относить этот феномен к гораздо более поздним явлениям культуры, чем это есть на самом деле. Задолго до того, как люди стали защищать свою родовую честь, отстаивать религиозные идеи и бороться за политические идеалы, защита родной земли уже была базовой ценностью любого человеческого сообщества. В этом плане представление о малой родине уходит своими корнями в далекое прошлое, возникая в истории культуры задолго до того, как оформилось само понятие родины, выраженное в слове «родина».

Таким образом, представление о малой родине относится к числу базовых, довербальных представлений, лежащих в основании культуры. В этом плане его с полным основанием можно отнести к ряду фундаментальных мировоззренческих универсалий культуры.

Под мировоззренческими универсалиями понимают обобщенные представления о мире, человеке и месте человека в мире, имплицитно формирующиеся у каждого индивида в процессе социализации. Важнейшим моментом этого процесса выступает освоение индивидом тех программ деятельности и сценариев поведения, которые приняты в соответствующей культурной традиции в качестве типовых. Овладевая характерными для того или иного общества программами деятельности с предметами внешнего мира и поведения с другими людьми, ребенок, не отдавая себе в этом отчета, осваивает и базовые для соответствующего общества представления о мире, человеке и месте человека в мире – универсалии культуры [5]. Эти универсалии задают в своем историческом варьировании культурное пространство как систему координат, в рамках которой человек воспринимает явления действительности, дает им оценку и сводит их в своем сознании воедино. Именно универсалии культуры задают интерпретационные рамки для протекающих в контексте той или иной культуры познавательных процессов. Набор культурных универсалий достаточно стабилен, а их содержание варьируется в различных традициях, что и приводит к спецификации этнонациональных и историко-временных версий культурного пространства. Данные универсалии как базовые элементы культурного пространства не только играют – наряду с чувственным опытом – фундаментальную роль в когнитивных процедурах (Б. Рассел трактует их в качестве «полных комплексов ощущений» [6]), но и выступают, как полагает А. Лавджой, инструментарием чувственно артикулированных мировосприятия и миропредставления [4].

Именно семантические рамки распространения мировоззренческих универсалий культуры очерчивают границы культурного пространства, характерного для того или иного социума. Таким образом, культурное пространство обладает не только и даже не столько пространственной размерностью, сколько размерностью ценностно-семантической и отчасти, как ни парадоксально, – временной (например, культурное пространство Ренессанса в отличие от культурного пространства Средневековья).

В системе фундаментальных универсалий культуры универсалия малая родина занимает особое место. В ряду мировоззренческих универсалий выделяют универсалии объектного ряда, которые отражают представления человека о мире, характерные для той или иной культуры (мир, изменение, движение, пространство, время, причина, следствие, часть, целое), универсалии субъектного ряда, отражающие представления о человеке (человек, государство, справедливость, честь, долг, любовь, счастье) и универсалии субъект-объектного ряда (деятельность, познание, истина). Последние обладают особым статусом, поскольку выражают принципиально важное и системообразующее для любой культуры представление о месте человека в мире. Именно к этим универсалиям субъект-объектного ряда и относится представление о малой родине.

Универсалии культуры далеко не всегда имеют вербальное выражение (например, ребенок может говорить «я устал, потому что долго бежал», то есть у него есть представление о причинно-следственной связи между явлениями, однако он не оперирует вербально формленным понятием причинности). Подобные аналоги можно обнаружить не только применительно к детству индивида, но и к детству человечества (филогенез, как известно, повторяет общие этапы онтогенез): на ранних этапах разворачивания истории люди имели представления о том, какие события произошли давно, какое – недавно, а что еще только ожидается, но понятие времени (именно в качестве понятия) оформляется значительно позже.

В сложившемся своем состоянии культурная традиция обеспечивает стабильность аксиологических шкал и интерпретационных матриц, что позволяет индивидуальному сознанию функционировать на основе устоявшихся мировоззренческих универсалий и обеспеченных ими интегральных представлениях о мире, человеке и месте человека в мире, не подвергая их ни сомнению, ни даже рефлексивному осмыслению. Нарушение обрисованного (равновесно-

го) состояния культурного пространства (предваряющее переход к новому этапу его развития) разрушает эту идиллию, заключающуюся в том, что человек может позволить себе полагать, что мир устроен именно так, как он о нем думает. Происходит рефлексия над мировоззренческими универсалиями культуры, осознание как самого их наличия и конкретного их содержания, так и возможных направлений развития (уточнения или расширения) последнего. В этих условиях соответствующие универсалии эксплицируются из фонда культуры, выражаясь в явном виде и обретая вербальную форму существования.

Таким образом, исходно представления о малой родине оформляются в истории культуры как фундаментальные довербальные представления, получая свое словесное выражение значительно позже. Важно отметить, что в зрелых культурах это вербальное выражение варьируется: с возникновением государства представления о малой родине и представления о Родине как государственно оформленном образовании существенно дифференцируются. Так, если понятие Родины предполагает гражданское самосознание, политическое сознание и патриотизм, то понятие малой родины, как правило, внеполитично (за исключением тех случаев, когда именно топографический локос малой родины оказывается завоеванным в межгосударственных войнах).

Важной особенностью представлений о малой родине является их сенсорно-чувственная окрашенность («Мой родны кут, як ты мне мілы!.. / Забыць цябе не маю сілы!» у Якуба Коласа [1, с. 7]) и в силу этого предельная конкретность: «Вось як цяпер, перада мною / Ўстае куточак той прыгожа, / Крынічкі вузенькае ложа / І елка ў пары з хваіною, / Абняўшысь цесна над вадою... [1, с. 7-8]. Клайв Стейплз Льюис определяет исходное состояние патриотизма именно в этом ключе – как «любовь к дому: к месту, где мы выросли...; к старым друзьям, знакомым лицам, знакомым видам, запахам и звукам» [3, с. 569].

Эмоциональная окрашенность представлений о Родине (как большой Родине – стране и государству) и о малой родине также различны: патриотизм предполагает гордость за свою страну, за ее достижения в социальной и культурной сферах, готовность на жертвы во имя ее процветания. Неслучайно синонимом слова «Родина» (большая Родина, которая пишется именно с большой буквы)

является слово «Отечество», в содержании которого звучит гордость за деяния предков.

Что же касается эмоций, связанных с представлениями о малой родине, то они существенно мягче и предполагают любовь как привязанность, аналогичную любви ребенка к матери, стремление прикинуть к истокам, из которых можно черпать новые силы: как пишет Якуб Колас, обращаясь к своей малой родине, которую он очень ёмко обозначает как «родны кут», «Не раз, утомлены дарогай, / Жыщём вясны мае убогай, / К табе я ў думках залятаю. / І там душою спачываю... [1, с. 7]

С течением времени представления о большой Родине могут обретать новый масштаб: так, в античной Греции принадлежность к полису во время Греко-Персидских войн переосмысливается как принадлежность к ойкумене, греческому миру в целом – в противоположность персам. Одновременно с этим представления о большой Родине проблематизируются: имперское сознание может приходиться в противоречие с национальным самосознанием и национальным патриотизмом. Для представлений о малой родине это не характерно: любовь к родному краю, к уголку, где родился и вырос, реализуется вне подобных дихотомий. Также с феноменом малой родины не связаны негативные тенденции проявлений шовинизма и ксенофобии.

Можно заметить, что феномен малой родины имеет также экологический потенциал: любовь к родной земле, воплощенной в конкретном локусе (микрорландшафтной зоне), предполагает восприятие земли и природы этой микрорландшафтной зоны как ценности. Собственность на землю, возможность передать ее в наследство детям (не просто абстрактным потомкам, а конкретным сыновьям) задает этому и экономическую размерность. В имперских условиях происходит не только масштабирование представлений о родной земле, уводящее от конкретной микрорландшафтной зоны к абстрактным просторам, но и неизбежная централизация сельскохозяйственных практик – как в темпоральном, так и в технологическом планах (например, централизованные сроки посевной в Советском Союзе, нормативное культивирование полюбившейся Н.С.Хрущёву кукурузы, независимо от целесообразности этого в том или ином конкретном регионе). В перспективе это чревато экологическими проблемами, – неслучайно первые локальные экологические кризисы возникают в период становления индустриально-

го общества, когда сельское хозяйство начинает восприниматься как отрасль индустрии и оформляется экологическое сознание, оторванное от микроландшафтных зон.

Следует также отметить, что феномен малой родины может пониматься далеко не только в топографическом плане, но и в плане духовном: как место (культурный локус), где (в семантическом пространстве которого) индивид впервые осознал себя собою, сопрягая свои мировоззренческие ориентиры с той или иной сложившейся в культуре системой ценностей и шкалой оценок – нравственных, религиозных или иных. Человек переживает такую интериоризацию ценностей как формирование своего самосознания, становление себя как личности – фактически как второе, духовное рождение. Таким образом, человек переживает свое духовное начало как идущее не просто от места рождения как природного топоса, но – главным образом – от тех культурных традиций, которые связаны с ним: «Ад роднае зямлі, ад гоману бароў, / Ад казак вечароў, ад песень дудароў/ ... Ад шолахаў начэй, / Ад тысячы ніцей, / З якіх аснована і выткана жыццё / і злучана быццё і небыццё...» [2, с. 283]. По оценке К.С.Льюиса, с «любовью к родным местам связана любовь к укладу жизни – к пиву, чаю, камину, безоружным полисьменам, купе с отдельным входом и многим другим вещам», в том числе «к местному говору» [3, с. 569].

Такое (духовное) понимание малой родины имеет одну важную особенность: если малая родина в ее традиционном значении объединяет земляков, то духовная малая родина объединяет людей по критерию единства взглядов и ценностей. Так, христиане Беларуси, Греции, Сербии, Австралии и т.д. равно чувствуют себя братьями: где бы ни родились они физически, их духовное рождение объединяет их духовное братство.

В заключение нельзя не сказать также еще об одном моменте, актуализировавшемся в современных условиях. На нынешнем этапе глобализации остро встала проблема сохранения национальной идентичности как условия полноценного развития национальных государств и национальных культур. Это вызвало к жизни тенденцию регионализации как встречный по отношению к глобализации вектор, противостоящий стиранию региональных культурных различий (например, программа возвращения в Азию в индустриальной и вестернизированной Японии). По определению Э.Гидденса, «локальное» — это в данном случае своего рода противовес унифи-

кационным тенденциям глобализации, ответ «глобальным силам» [7]. Тенденция глокализации проявляет себя как непосредственно в возрождении интереса к возрождению интереса к национальной истории и национальным традициям, актуализации национальных и региональных праздников, развитии традиционных местных промыслов, введении в повседневный оборот национальных элементов в одежде (мода на стиль «этника»), расширение сферы использования национальных языков и даже диалектов и т.п. В этом контексте феномен малой родины обретает новое звучание, обретая новую актуальность.

Литература

1. Колас, Я. Новая зямля // Збор твораў у 14 т-х. / Я. Колас – Мінск, 1974. Т. 6 – С. 5-280.
2. Колас, Я. Сымон-музыка // Збор твораў у 14 т-х. / Я. Колас – Мінск, 1974. Т. 6 – С. 281-472.
3. Льюис, К.С. Любовь / К.С. Льюис // Философия любви в 2-х ч-х. Антология любви. – М., 1990. Ч. 2. – С. 565-574.
4. Лавджой, А. Великая цепь бытия. А Лавджой, – М., 2001.
5. Можейко, М.А. Социализация // Всемирная энциклопедия: Философия / М.А. Можейко – М., Минск 2001. – С. 980-982.
6. Рассел, Б. История Западной философии / Б. Рассел – М., 2009
7. Giddens, A. Runaway World / A. Giddens. - New York, 2000.

Дик П.Ф. Интеграция философии и образования в мифотипе

В философии мифа выделяем достижения А.Ф. Лосева и Ф.В.Й. Шеллинга. Лосев диалектически выводит и формулирует сердцевину мифа: «миф есть развёрнутое магическое имя» [3, с. 214]. Уточним терминологию. Мифотип есть обозначение мифической составляющей реального социально-культурного бытия личности, индивида и сообществ. Мифотип – конкретный тип органичного мировоззрения; мифотворчество всех возрастных групп социумов повседневности. Мифология – обозначения обобщения мифа в её двух основных версиях: философско-научное исследование мифа и целевая пропаганда мифа. Вторая версия близка известным смыслам идеологии, идеократии, политического мифа, просвещения. Рейтинг, ранжирование индивидов и групп, личности и